

Экспертиза текстов массовой информации - необходимое условие подлинного правосудия

Пантелеев Б.Н.

Научный сотрудник отдела юридической психологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ
советник юстиции

Актуальность вопроса о глубине и беспристрастности изучения результатов журналистского труда сегодня, похоже, практически никто не оспаривает. Во всяком случае, публично признаётся не только общественная значимость этого рода деятельности, но и её специфические, профессиональные особенности, которые становятся объектом всё более специального исследования и комментирования в научной литературе. Несомненно, положительную роль в этом сыграл возобладавший ныне комплексный подход к информационным обменам в целом и обучению журналистов в частности, когда даже факультеты, где их сегодня готовят, ориентированы одновременно и на социологию, и на информатику, и на психологию, а не только на общий политико-пропагандистский ликбез.

Таким образом, на наш взгляд общая теория комплекса продвинутых на мировом уровне наук уже готова сегодня рассматривать и отечественную журналистику во всех её проявлениях как специфическую сферу человеческой деятельности, поднимающуюся в лучших своих проявлениях до уровня добротного ремесла, а в особо приятных случаях – способной предъявлять жаждущей публике образцы подлинного искусства.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитывается сегодня более 700 нормативных актов различного уровня, регламентирующих экспертную деятельность. Они относятся к самым важным сферам экономики, производства, строительства, а также экологии, санитарно-эпидемиологического надзора и таможенного дела. Никакое существенное решение в этих отраслях в силу Закона не может быть принято без предварительной экспертной проработки и ни один конфликт не подлежит рассмотрению без привлечения компетентных специалистов. Такое положение считается само собою разумеющимся и никем не оспаривается. Действительно, рассматривающие споры правоприменители как правило не могут быть одновременно и узкими специалистами в других сферах деятельности. Поэтому они вынуждены привлекать экспертов для разрешения специальных вопросов, неизбежно возникающих при объективном рассмотрении подобных конфликтов. В противном случае, как показывает многолетняя судебная и арбитражная практика, их решение может быть поверхностным и дискредитирующим саму идею правосудия.

Несколько иное положение до недавнего времени существовало у нас в сфере интеллектуального производства вообще и при разрешении информационных споров в частности. Даже при наличии законодательных предпосылок для привлечения экспертов многие правоприменители полагали это процессуальным излишеством. Видимо этому способствовал целый комплекс причин, которые, на наш взгляд, заслуживают специального исследования. В отведенных нам рамках только обозначим некоторые из них. Упрощенный бытовой подход к продукции средств массовой информации приводил к тому, что каждый потребитель, владеющий языком, на котором она распространялась, считал себя одновременно и окончательным арбитром. Порою для вынесения решения считалась достаточной оценка по принципу “нравится - не нравится”, “правильно - не правильно” даже без предъявления мотивов. Вышестоящие судебные инстанции не давали принципиальной оценки подобным постановлениям, а сосредотачивались лишь на корректировке размеров взысканных с виновных сумм компенсации морального вреда.

Правоприменительная практика явно не соответствовала достижениям отечественной и мировой науки, не использовала предоставляющиеся ей качественно новые возможности. Хотя называть эти возможности “новыми” можно весьма относительно только, если не принимать во внимание, что ещё в 1915 году российский лингвист Н.А. Морозов опубликовал свою детальнейшую разработку методов научного анализа авторских текстов и распознавания плагиата.

Весьма важным для благоприятного развития независимой журналистики оказывается и то обстоятельство, что ныне действующее российское законодательство в целом очень уважительно относится к профессионалам в любой сфере человеческой деятельности. Так, например, мудрый законодатель изначально ориентирует всех правоприменителей на то, чтобы они принимали решения лишь в пределах своей компетенции и оперировали только специально разработанными именно в юриспруденции терминами и понятиями. При возникновении любых вопросов, требующих специальных познаний в области науки, искусства, техники или ремесла, суд с учётом мнения заинтересованных сторон назначает эксперта или, в случае необходимости, даже нескольких экспертов. Такой порядок установлен ст.-ст. 74-78 ГПК РФ и ст.-ст. 184-194 УПК РФ, действующими уже с 1964 года и никогда не вызывающими особых затруднений у практиков. Более того, у действующих юристов уже сформировался устойчивый поведенческий шаблон, когда они автоматически назначают специальные экспертизы по делам, связанным с особенностями психики несовершеннолетних, со спецификой функционирования механизмов и автомашин, конфликтами в работе педагогов, претензиями к медикам и во многих других случаях. Подготовлены и безотказно применяются примерные перечни вопросов к экспертам этих категорий. Сами вопросы, как правило, согласовываются со всеми заинтересованными сторонами, которые имеют право их дополнить и уточнить при необходимости.

Следовательно, мы имеем дело с ситуацией, когда проблема в общем плане уже обозначена и выработаны неплохие правила для безукоризненного разрешения

возникающих в журналистской деятельности конфликтов. Однако, следует признать, что на сегодняшний день данная процедура в целом по России оказалась не востребовавшей. Можно по-разному оценивать причины этого печального явления. Видимо, нужно говорить о недостатках менталитета российского населения в целом и правового сознания отечественных журналистов в частности, предпочитающих либо “заминать” все возникающие конфликты, либо разрешать их в первую очередь и предпочтительно не правовым путём. Некоторые аналитики утверждают, что пока не сформировалось окончательно новое журналистское сообщество, не осознаны и не выработаны изнутри корпоративные правила поведения трудно говорить о признании этого ремесла извне – посторонними оценщиками.

Однако, в особых случаях мы становимся очевидцами явно нетрадиционного подхода к рассмотрению некоторых информационных споров. Например, когда речь идёт об авторстве высокодоходных книг, причастности к литературным опытам высокопоставленных политиков, использования в избирательных целях высоких технологий Интернета – практически незамедлительно встаёт вопрос о назначении целого комплекса специальных экспертиз – психо-лингвистической, лингво-математической и других.

К выполнению таких заданий подключаются целые институты и претензий к качеству их работы не высказывают. Уже разработаны и апробированы весьма интересные методики проведения такого рода исследований, некоторая информация, о которых опубликована в специальной литературе. Таким образом, при индивидуальном подходе к правосудию создаются новые прецеденты, последствия которых ещё предстоит проанализировать.

Общие принципы судопроизводства декларируют равный подход к разным людям, всем субъектам права. Следовательно, любой журналист или редакция, ставшие не по своей воле участниками правового конфликта в информационной сфере, должны уже сегодня иметь равную возможность реально использовать предоставленные законом права, апеллировать к экспертам и настаивать на объективном разбирательстве дела и наличии в итоге мотивированного судебного постановления.

Общеизвестно, что без вынесенного в процессуальных рамках мотивированного судебного постановления у любого гражданина появляются основания утверждать, что его конституционные права нарушены, а у журналиста, кроме того, возникают специфические проблемы, связанные с реализацией на практике международно-признанных стандартов свободы печати.

С учётом этих замечаний можно сделать вывод об острой необходимости срочно наполнить конкретным содержанием процессуальное право всех журналистов и редакций СМИ на рассмотрение их дел компетентным судом с участием специально приглашённых экспертов.

В теории правозащитного движения это означает наличие у каждого “позитивного права на суд”. Сам факт того, что гражданин не уклоняется от разбора его дела, а заявляет о

готовности сотрудничать с правоохранительными органами в длительном и сложном процессе поиска истины явно свидетельствует о его законопослушности и готовности принять любое решение, вынесенное в рамках заранее установленных правовых процедур. Особый акцент при этом делается на то, что любой добросовестный налогоплательщик имеет право требовать, чтобы ему было обеспечено надлежащее рассмотрение дела со стороны органов, которые он содержит.

Трудно переоценить воспитательное значение подобного процесса, когда обе стороны – истец и ответчик – силой научных аргументов будут убеждены в правильности итогового решения суда. Публикация всех обстоятельств хода и результатов такого процесса в СМИ только прибавит авторитета, а, возможно, и тиража любому изданию.

В связи с этим нелишне подчеркнуть, что, исходя из своих собственных стратегических интересов, государство, стремящееся стать правовым, кровно заинтересовано создать и профинансировать нормальную систему разнообразных по форме, статусу и видовой направленности экспертных центров, готовых в любое время своими интеллектуальными усилиями поддержать правосудие, сделать его объективным, компетентным и понятным.

Применительно к гражданскому процессу реализация данной идеи позволит журналистскому сообществу получить дополнительные гарантии – возможность эффективного досудебного урегулирования возникающих претензий к СМИ. При оперативном вмешательстве квалифицированного эксперта некоторые многотысячные иски лопаются как мыльные пузыри еще, не поступив в судебную канцелярию, существенно экономя время и нервы сторон потенциального конфликта.

Значительным событием в экспертном деле, несомненно, стал федеральный закон №73-ФЗ "О государственной судебно- экспертной деятельности в Российской Федерации" от 31 мая 2001 года. Указанный системный акт впервые так четко и на столь высоком уровне определяет правовую основу, принципы организации и основные направления этого вида деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Что касается арбитражного судопроизводства, то ссылки на него также имеются в ряде статей анализируемого закона (ст.ст.3,37), из чего можно сделать вывод, что и на споры между юридическими лицами в случае назначения экспертизы будут распространяться аналогичные процедуры.

Закон, как и следует из его названия, регламентирует деятельность государственных экспертов и соответствующих учреждений, однако, что очень важно, не монополизирует за ними эту сферу, а признает и допускает в силу ст.41 к производству экспертизы практически на равных основаниях также и иных лиц, не являющихся штатными сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений, но обладающих специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла.

В соответствии с общепринятыми нормами задачей любой судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств,

подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В этой связи представляется любопытным отметить, что указанный закон (ст.13) предъявляет весьма мягкие требования к лицу, претендующему на должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях. Для этого требуется всего лишь наличие гражданства Российской Федерации, высшее образование и последующая подготовка по конкретной экспертной специальности. Экспертом в системе органов внутренних дел может работать также гражданин Российской Федерации, имеющий лишь среднее специальное экспертное образование. Никаких дополнительных требований о минимальном стаже работы в данной области, наличии научной степени, публикаций, авторских методик закон не предусматривает. Из собственной юридической практики знаю, что правоохранительные органы и суды склонны обычно критически относиться к заключениям именно молодых специалистов, а их первые опыты в форме экспертных заключений нередко не выдерживают изощренного натиска профессиональных адвокатов.

Опыт показывает, что в этом смысле альтернативные эксперты, как правило, выгодно отличаются обязательным наличием убедительного практического опыта работы и многочисленных научных регалий.

Новый закон в ст.4 утверждает общие принципы судебно-экспертной деятельности, а именно законность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

Важно, что в ст.6 подтверждается: каждое лицо, полагающее, что действие или бездействие судебного эксперта или учреждения в целом привели к ограничению прав и свобод гражданина либо прав и законных интересов юридического лица, вправе обжаловать указанные действия (бездействие) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Однако, некоторые существенные вопросы, на наш взгляд, выпали, к сожалению, из поля зрения законодателя. Так, анализируемый закон (ст.8) признает объективность эксперта как важнейший принцип исследования. На каждого эксперта возлагается обязанность (ст.16) составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение, в частности, в случае, если современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы. Руководитель государственного судебно-экспертного учреждения обязан в силу ст.18 быть совершенно незаинтересованным в исходе дела, которое поступило в возглавляемое им учреждение. Согласно ст.14 он обязан же поручить производство экспертизы конкретному эксперту и разъяснить ему его права и обязанности. А вот вопрос о разъяснении сторонам дела права на отвод конкретного эксперта так и остался, на наш взгляд, открытым. При назначении конкретной экспертизы следователем или судом сторонам становится известно лишь то учреждение,

где ее планируется проводить. Каким образом назначенный по данному делу эксперт может быть реально персонально отведен по инициативе стороны или должен заявить самоотвод при наличии для того оснований в законе также не уточняется. Право на отвод эксперта является одной из фундаментальных гарантий современной системы правосудия. Сомнения в объективности эксперта могут возникнуть у сторон на любой стадии. Например, новые обстоятельства могут выявиться при реализации участниками процесса впервые официально предоставленного им ст.24 права присутствовать при производстве судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении. В этом случае закон позволяет им только задавать вопросы эксперту, относящиеся к предмету судебной экспертизы, однако вновь умалчивает о праве заявлять ходатайства об отводах.

Согласно ст. 37 указанного закона государственные судебно-экспертные учреждения вправе проводить на договорной основе экспертные исследования для граждан и юридических лиц, взимать плату за производство судебных экспертиз. Таким образом, рыночные отношения и в этой сфере деятельности легализуются, что можно только приветствовать. Современная практика рассмотрения информационных конфликтов показывает, что вопрос о надлежащей оплате нелегкого, "штучного" труда эксперта в той или иной форме всегда встает, но единых ставок, тарифов до сих пор не выработано. Однако такой прогрессивный подход предполагает последовательное создание и поддержание государством равных условий всем участникам для добросовестной конкуренции. По этому поводу некоторые сомнения появляются при детальном системном анализе ст.41 и ст.39 об информационном обеспечении деятельности государственных судебно-экспертных учреждений. В этом случае закон в одностороннем порядке позволяет только им - государственным экспертам самостоятельно истребовать на безвозмездной основе у своих потенциальных конкурентов - организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности практически любые образцы и каталоги, методики, техническую и технологическую документацию и другие информационные материалы. Применительно к академическим и другим профильным научным заведениям, которые сегодня активно работают на поле цивилизованного разрешения информационных споров, это вряд ли можно признать справедливым.

Полагаем также, что из анализа ст.41 логично следует, что при определении уполномоченным органом, кого же именно назначить негосударственным экспертом по конкретному делу, не должно являться препятствием гражданство кандидата в эксперты. При подборе альтернативного эксперта определяющим фактором совершенно справедливо становится только его компетентность.

К счастью, сегодня лицам, принимающим юридически значимые решения в России и заинтересованной международной общественности можно предъявить некоторые примеры весьма квалифицированного и успешного во всех отношениях профессионального разбора конкретных кризисных ситуаций со СМИ, ставших предметом анализа специалистов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. Эта специализированная общественная некоммерческая

организация недавно юридически оформилась, однако, за плечами вошедших в ее состав профессионалов уже десятки весьма громких дел.

Инициаторами обращения за помощью к этим экспертам были сами журналисты, главные редакторы, руководители прокуратуры, сотрудники рекламных агентств. Во всех случаях ими двигало в первую очередь желание цивилизованного правового и компетентного разрешения возникшего информационного конфликта. Такой подход к защите своих законных прав и общественных интересов можно только приветствовать.